

В статье представлены точки зрения советских и современных отечественных историков на роль православного духовенства в Ярославском восстании в июле 1918 года. В результате можно отметить, что выводы советской историографии продолжают довлеть и над современными исследователями.

Ключевые слова: Ярославский мятеж; Русская Православная Церковь; духовенство.

The article concerns approaches of the Soviet and modern Russian historiography to the role of the Orthodox Church in Yaroslavl rebellion in July 1918. The author comes to the conclusion that points of view of the Soviet historiography still affect modern researchers.

Keywords: Yaroslavl rebellion 1918; Russian Orthodox Church; clergy.

Е. И. Шивина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Eka-shika@yandex.ru

Православная церковь и Ярославский мятеж 1918 года: историография проблемы

Обзорная статья

E. I. Shivina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Eka-shika@yandex.ru

The Russian Orthodox Church and the Yaroslavl rebellion 1918: Historiography of the Problem

Review article

С момента Ярославского мятежа прошло без малого 100 лет, а историки до сих пор спорят о его характере, причинах, идеологии и составе участников. Неясной до сих пор остается и роль православной церкви в июльских событиях 1918 года. В данной статье предпринимается попытка проанализировать взгляды историков на указанную проблему.

В советской историографии вплоть до конца 1980-х годов церкви отводилась роль идеологического соперника. Церковь включалась в систему выстроенного контрреволюционного заговора, скрывались данные о репрессиях против духовенства. Согласно идеологическим установкам о классовой борьбе священнослужители автоматически попадали в категорию «прислужники буржуазии» и «враги народа», поэтому в исследованиях, посвященных как самому мятежу, так и сюжетам, связанным с историей церкви, они всегда оказывались сподвижниками перхуровцев. Из работы в работу кочевал тезис о том, что «попы и монахи активно помогали контрреволюционерам» [1–4].

Советские историки обычно называли ярославские события 1918 года белогвардейским мятежом, подчеркивая, что население не оказало поддержки заговорщикам, оставаясь верным идеям советской власти. В то же время они писали о массовом участии священнослужителей в июльских событиях. В советской историографии обращалось особое внимание на инициированные духовенством выступления в январе-феврале 1918 года – так называемые «поповские мятежи», в которых жертвы были с обеих сторон [3, с. 13].

Р. Балашов писал, что 28 января 1918 года «церковники вместе с меньшевиками и правыми эсерами, бывшими чиновниками, кацауровцами открыто выступили против Советской власти» и даже «с ружьями, топорами и револьверами напали на группу красноармейцев» [1, с. 33]. В феврале, по сообщению П. Я. Лямукова, «церковники сумели собрать в Ярославле многотысячную толпу. Город был объявлен на военном положении». 17 февраля «под видом крестного

хода контрреволюционное духовенство готовило антисоветскую погромную демонстрацию. Только благодаря выдержке красноармейцев ее удалось рассеять без кровопролития» [3, с. 14].

По мнению Р. Балашова, «духовенство продолжало вести подрывную работу» [1, с. 34]. Ссылаясь на статью председателя Совета по делам религии при Совете Министров СССР В. А. Куроедова, он утверждал, что «в последние недели перед мятежом в монастырских кельях пряталось немало белого офицерства», а сам мятеж «начался с благословения православного духовенства» [1, с. 34, 121–122]. Л. Б. Генкин писал, что благословение перед восстанием полковнику Перхурову дал митрополит Ярославский Агафангел [4, с. 40–43]. Данное утверждение сомнительно. Вряд ли, рискуя раскрыть себя, кадровый офицер, тщательно соблюдавший конспирацию, испрашивал благословение у митрополита. Закономерен также вопрос: когда и где могло произойти это событие, поскольку со 2 июля по 20 сентября в Москве проходила третья сессия Поместного собора, участником которого был митрополит Агафангел? В воспоминаниях полковника А. Перхурова, написанных в камере, ни о благословении митрополита, ни о пребывании офицеров в монастыре не упоминалось. Напротив, он отмечал тяжелое положение членов организации, прибывших в Ярославль: «им приходилось ночевать в канавах за городом и на берегу Волги» [5, с. 14].

В 1939 году В. А. Галкин в книге «Разгром бело-гвардейского мятежа в Ярославле в 1918 г.» обвинил священнослужителей в том, что «с ам-вона производились погромные проповеди против большевиков. Церковные агитаторы призывали к свержению Советской власти» [2, с. 4]. Об использовании духовенства для подкрепления контрреволюционных призывов писали и другие исследователи [1, с. 54; 6, с. 14]. По мнению советских авторов, церковники не ограничились моральной поддержкой мятежников и сами взяли за оружие «против своей паствы, рабочих и крестьян. Священники церковей Покровской, Богоявленской, Никитской, Владимирской, Никольской и других из пулеметов расстреливали идущих в наступление рабочих и красноармейцев» [1, с. 86]. О «попиках-пулеметчиках» рассказывали в своих воспоминаниях и участники подавления мятежа. Участник событий Малинин писал, что «после мятежа на станции Всполье был расстрелян священник Владимирской церкви, как пулеметчик, стрелявший из пулемета с коло-

кольни своей церкви» [7, с. 62]. Начальник Новгородского образцового батальона А. П. Поляков, видимо, говорил о том же священнике: «Шедшая улица со станции Всполье в город упирается как раз в церковь, с которой все время бил пулемет. Мною было выкачено одно орудие против этой церкви, и шагов из 1000 она была обстреляна, но все же пулемет с таковой бил. В ночь на 8 или 9 церковь была красноармейцами окружена, и с таковой с пулеметом был снят поп» [8]. Р. Балашов утверждал, что «служители церкви вели активную шпионскую деятельность» [1, с. 86], участвовали в допросах пленных красноармейцев, но, к сожалению, неясно, что лежит в основе данных выводов.

Согласно оценкам советских исследователей, особую роль сыграли в июльских событиях монастыри. Исключительная жестокость приписывалась монахам Спасского монастыря, которые сами обслуживали пулеметы, стоявшие на колокольнях. Якобы по настоянию монахов «перхуровцы передали красноармейцам ультиматум о том, что за каждый артиллерийский выстрел по монастырю они расстреляют 10 советских пленных». Считалось, что в Толгском монастыре хранилось оружие и скрывались офицеры. По сообщению Балашова, в монастыре в ночь на 6 августа были взяты начальник контрразведки Перхурова полковник Некрасов и его заместитель полковник Гияровский [1, с. 87, 96–97].

Таким образом, советские историки видели в священнослужителях сподвижников белогвардейцев, оказывавших всяческое содействие: шпионаж, личное участие в военных действиях на стороне белых, укрывание контрреволюционеров в монастырях, антисоветскую пропаганду, моральную поддержку восставших.

В постсоветский период началось переосмысление истории Ярославского мятежа, споры разгорелись в сфере терминологии – мятеж или народное восстание? Появились статьи об отдельных участниках восстания, были изданы документы, воспоминания.

Вопрос о составе участников мятежа 1918 года вынесен в заглавие статьи Н. П. Рязанцева. Автор пришел к выводу, что активными участниками событий были почти исключительно офицеры, о духовенстве он не упоминает совсем [9]. Означает ли это, что современные исследователи полностью отринули советские постулаты и отказались всерьез обсуждать версию о «контрреволюционерах в рясе»? Скорее всего, нет.

В 1998 году в специальном выпуске журнала «Посев» были изданы материалы научной конференции, посвященной 80-летию восстания в Ярославле. Ее участники по-новому подошли к оценкам июльских событий, но в вопросе о роли церкви в основном остались на позициях советских историков. Главный редактор журнала «Белая гвардия» В. Ж. Цветков без тени сомнения писал, что «повстанцев поддержало православное духовенство» и митрополит Агафангел, а Толга стала «базой восставших» [10, с. 6]. Е. Ермолин, рассуждая об идеологии восстания, указывал, что ярославское духовенство «оказывало моральную поддержку» перхуровцам [11, с. 41], что подтверждается проведением специальных молебнов. По его мнению, «религиозные мотивации» были важной составляющей идеологии восстания, хотя в качестве доказательства он приводит текст лишь одного обращения ярославского отряда Добровольческой армии (в других воззваниях обращений к «Богу» не встречается) [11, с. 41]. И только Б. Колодиж, обращая внимание на идеологические установки советской историографии, высказывает сомнения в активном участии священнослужителей в Ярославском мятеже [12, с. 19–20].

Костромской историк А. Е. Кидяров, занимавшийся изучением июльских событий в контексте истории Гражданской войны, посвятил вопросу об участии православного духовенства в Ярославском мятеже отдельную статью – с учетом исторических документов, ставших доступными в настоящее время. Однако статья написана на основе упоминавшихся сборников и исследований советского периода и материалов Ярославского истпарта (Ярославская комиссия для собирания и изучения материалов Октябрьской революции и истории РКП(б)) [8]. В фонде истпарта собраны воспоминания участников и очевидцев событий, адресованные в издательства советских газет и готовившиеся в печать к пятилетию, а потом и десятилетию подавления мятежа. Они отражают точку зрения исключительно красных и наполнены революционным пафосом. Используемые источники привели автора к выводу, что «церковные власти (в частности, в лице митрополита Агафангела) сочувствовали восставшим и выражали поддержку выступлениям в Ярославле. Оказывалась помощь мятежникам провизией и предоставлялась возможность укрыться в стенах монастырей, где также осуществлялся уход за ранеными в ходе боев» [12, с. 58]. Не усомнился А. Е. Кидяров

и в том, что «некоторые священнослужители с оружием в руках примкнули к повстанцам» [13, с. 55]. Также он отмечал и помощь, оказанную со стороны священнослужителей мирным гражданам, пострадавшим во время бомбардировки.

Оценки июльского мятежа представителями церкви, как правило, отличаются резкостью и категоричностью. Непосредственно о событиях в Ярославле представитель ярославской митрополии епископ Вениамин Лихоманов в статье «Русская Православная Церковь и советская власть» писал, что «священнослужители, находившиеся на территории, охваченной мятежом, расстреливались непременно как пособники восставших...». Неясно, на основе каких источников были сделаны эти выводы. В статье приводится лишь упоминание о том, что в сентябре 1918 года на Поместный Собор Русской Православной Церкви был прислан список ярославских священников и монахов, погибших от рук красногвардейцев и чекистов. В нем названо 13 человек [6].

Вопрос о роли православного духовенства в июльском мятеже 1918 года до сих пор остается открытым. Необходимо уйти от образа контрреволюционера в рясе, который довлеет и над современными исследователями, и тщательно, критически подойти к осмыслению всех имеющихся на сегодняшний день материалов. Решение данной конкретной проблемы может стать ступенькой к пониманию всего сложного комплекса взаимоотношений государства и церкви в первые годы советской власти.

Ссылки

1. Балашов Р. В. Пламя над Волгой: (Ликвидация белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г.). Ярославль, 1984. 133 с.
2. Галкин В. А. Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 г. Ярославль, 1939. 110 с.
3. Лямуков П. Я. Антирелигиозная работа в Ярославской губернии в годы гражданской войны // Партийные организации Верхнего Поволжья в период строительства социализма. Ярославль, 1976. С. 11–22.
4. Ярославль социалистический: очерки по истории города, октябрь 1917–1959 гг. / под ред. Л. Б. Генкина. Ярославль, 1960. 365 с.
5. Перхуров А. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. 37 с.
6. Лихоманов В. Русская Православная Церковь и советская власть // Культурная эволюция:

электронный журнал. URL: <http://yarcenter.ru/content/view/68538/> (дата обращения: 27.07.2014).

7. Шестнадцать дней: Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). Ярославль, 1924. 256 с.

8. ГАЯО – ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 9–10.

9. Рязанцев Н. П. О составе участников Ярославского белогвардейского мятежа // От мудрости и святости былого: VII Тихомировские чтения. Ярославль, 1999. С. 173–176.

10. Цветков В. Ж. Восстание на Ярославской земле // Ярославское восстание, июль 1918. М., 1998. С. 5–14.

11. Ермолин Е. А. Идеология Ярославского восстания // Ярославское восстание, июль 1918. М., 1998. С. 37–45.

12. Колодич Б. Н. Июльское 1918 года антибольшевицкое восстание в Ярославле: политико-историческое осмысление // Ярославское восстание, июль 1918. М., 1998. С. 19–28.

13. Кидяров А. Е. Ярославский мятеж 1918 и православная церковь // II Романовские чтения: Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года / сост. и науч. ред.: А. М. Белов, А. В. Новиков. Кострома, 2009. С. 201–209.